

Ветвичуи

свиток четвертый

Тихон Владимирович Тверез

Тихон Тверез

Ветви Чуи. Свиток четвертый

«Издательские решения»

Тверез Т. В.

Ветви Чуи. Свиток четвертый / Т. В. Тверез — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984560-3

Тридцатилетие Скопы Сознаний отмечается во всем обжитом человеком и фогги пространстве. На маленьком корабле дальней разведки экипажу придется взять на себя смелость решать проблемы целой планеты, спасая ее от уничтожения. И помочь далекой Земле в ее противостоянии со своими сепаратистами, жаждущими власти над всей Скопой и с недружественной расой «странных», воинов-повелителей. Скопянам придется решать задачи не только космического значения, но и разбираться в простых человеческих устремлениях.

ISBN 978-5-44-984560-3

© Тверез Т. В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ветви Чуи Свиток четвертый

Тихон Владимирович Тверез

© Тихон Владимирович Тверез, 2020

ISBN 978-5-4498-4560-3 (т. 4)

ISBN 978-5-4498-4556-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Совместное тепло двух заходящих на покой звезд-солнц ласково грело старые кости, и старейшина повернул к ним морщинистую морду с вертлявым и любопытным с молодости трехпазуховым носом. Старое веко чуть прикрыло большой выпуклый глаз, внутри мелькнула веселая искорка. Здесь, наверху горной цепи, с высокого обрывистого склона был виден медленно двигавшийся над колыхающимся полем кустов каменный город. Тяжелые, массивные многоэтажки из зеленоватого камня, частью просто висящие в воздухе, окружали небольшую площадь, полную празднично одетого народа. Было понятно, что там царит веселье, чвабуры пели, танцевали, слушали сказителей и напевников, в стороне – со скалы было далеко видно сквозь прозрачный розовый воздух – готовилось угощение на установленных спирально огромных помостах. На маленьких площадках и кривых улочках, среди каменных жилищ по всему овалному городу происходило похожее.

Звезда-солнце коснулось горизонта там, где он был чист от темнеющих скал, и старейшине показалось, что он услышал крики восторга. Вверх полетели фейерверки-шутихи, взрываясь, поверху озаряли город и подступающую к нему ультрамариновую стену дождя. Старейшина не чувствовал ветра, но знал, что добрый и могучий союзник обведет тучу стороной и городу даже не придется отплывать от свежих живых потоков.

Внезапно старику послышался смех. Он недоуменно посмотрел на далекий город, перевел взгляд на другой, чуть видимый на горизонте, но что-то сообразив, вскочил. Смех звучал с другой стороны скальной площадки, куда старейшина еще не заглядывал. Подходя к краю пропасти, ему пришлось восторженно передохнуть и утереть выступивший пот. Чуть внизу, идя издалека, из долины, в серо-розовом воздухе рядом со скалой изгибалась вьющаяся река. Другая, поменьше, то ли исток, то ли приток большой, вилась спиралью вокруг и уходила вниз в камни скал. Течение было быстрым, на нереальных изгибах брызги веером разлетались в пространстве и падали вниз на покрытые мхом скалы.

Там, на небольшой площадке, веселилась группа младеней. Чвабуры разбегались и ныряли в висящую реку, проплывали ее толщу и выныривали с другой стороны. Потом, барахтаясь в воздухе, попадали в реку поменьше и сильными гребками всплывали вдоль изгибов к площадке. Там, встреченные смехом, снова разбегались, и веселье продолжалось. Совсем маленькие, подражая старшим, барахтались чуть в стороне, где река почти касалась покрытой мягким мхом площадки.

Старик долго смотрел на резвящихся младеней. Когда второе солнце коснулось горизонта и наступили сумерки, закрыл глаза и, откинувшись на спину, лег в траву. Через мгновение мир вокруг изменился – старейшина сидел на берегу вязкого, зеленоватого ручья, вокруг была темнота, время сумерек заканчивалось. А вокруг бушевал ветер, гнул редкие чахлые кустарники, мял вязкий и тягучий ручей, и рвал, и уносил прочь траву с небольших островков зелени. Серый песок с покрывавших все пространство до горизонта проплешин летал в воздухе, бросаясь с порывами ветра во все стороны.

Старейшина накинул капюшон и прижал к себе маленького зверька с хитрой мордочкой и рядом умных чернявых глазенок на макушке, благодаря того за прекрасные образы. Нотик понимающе потряс ушками, спрыгнул на береговую гальку и скрылся в колыхающихся под ветром кустах. Старейшина, вздохнув, поднялся – нужно было идти к стойбищу, скоро ураган, нужно проверить, сыты ли кечиги и нашли ли себе надежное убежище. Этот ураган будет долгим.

Глава 1

Теплый ветер, гонявший туда-сюда по долине поднимающееся от болотных островков слою розового тяжелого и мокрого тумана рвал их, чуть поднявшиеся вверх, сминал и развеивал в зеленоватом воздухе, но тут же снова собирал в странные образования, похожие на резко застывшие, замерзшие испарения над свежим стогом сена в холодное утро после небывало теплой ночи. Утра, впрочем, здесь не бывало никогда, как, собственно, и ночи, и плотные стаи маленьких пичужек привычно вились в лучах трех далеких солнц-звезд, неуловимыми движениями уходя от тоже неуловимых движений, бросаемых на них ветром розово-ледяных туманных образований. Маленькая стая пичужек, чуть не столкнувшись с другой, побольше, замерла и тут же начала рассыпаться, окутанная туманом. За несколько мгновений от стаи не осталось ничего, кроме спасшихся нескольких особей, сразу присоединившихся к другой стае, а к упавшим тушкам уже двигался болотный островок, чуть подхлупывая трясинкой, медленно, но неотвратно захватывая буро-красные проплешины в невысокой желтой и жухлой траве. Туда же, судя по испарениям, начали двигаться и другие островки, а странный ветер, прекратив порывы, начал дуть в одну сторону – как раз на спрятавшихся в невысокой зернистой траве охотников.

Почти невидимый в траве Топиг чуть прищурил принявший цвет зелени большой матово-мутный глаз, и на острой мордочке появилось задумчивое выражение. Ветер – это очень важно. На этих болотах он сам по себе никогда не меняет направление, а уж тем более температуру или запах – Топиг повел длинной мордочкой, увенчанной кнопкой трехпазухового носа. Повернув назад прижатые сложенные большие чебурашки уши, природное средство связи, подал неуловимый сигнал опасности назад двум спрятавшимся товарищам-охотникам – и сразу все трое замерли, став еще более незаметными. В сторону троицы ветер дул недолго, потом – Сила Духа! – снова появились хаотичные порывы во всех направлениях, и снова началась охота розово-ледяного тумана за стаями пичужек. Топиг подал сигнал своим отходить и пополз спиной назад, активно помогая себе третьей нижней извивающейся конечностью – толстым и массивным хвостом. Отступив назад таким способом сотню драх, принял в окружавших болото кустах нормальное положение, встав на короткие ноги и, опираясь на более длинный упругий хвост, двинулся к своим. На проплешине между низкими хищными кустами, осыпанными опасными листиками-спиральками, его уже ждали только что пришедшие двое друзей, такие же, как и он, молодые чвабуры, которых Топиг уговорил сходить на это болото – вопреки запрету племени.

– Топ, я говорил, мы не пройдем, – чвабур с короткой серо-желтой шерсткой, чуть постарше остальных, сощурил огромный, с небольшое яблоко, голубого оттенка глаз. Всегда улыбчивая мордочка приобрела чуть насмешливое выражение. – Ты никогда не слушаешь, а между тем старики говорят...

– Старики говорят вообще не подходить к этим болотам, и мы все знаем, почему, – Топиг присел на спружинивший хвост. – Но это единственный путь к светящимся кустам. Я только отсюда их видел близко. Больше нигде не пройти.

– А если обойти болота? У нас еще два ветра до урагана, потом в племени забеспокоятся, – другой чвабур Томик, по виду самый младший, тоже присел, положив рядом свернутою броску, – длинную веревку с петлей на конце. – Нужно успеть домой до урагана – иначе мне попадет от родоча.

– Ну, вот видишь – у нас нет времени обходить болота. И туда без разведки лучше не соваться.

– Верно, – Румик, третий чамбур, озабоченно прижал уши и широко открыл глаз, выражая этим крайнее беспокойство. – Мы туда с моим родочем ходили, помните, когда у нас кечиг

потерялся. Так вот, там туманы прямо к скалам подходят, а дальше уже лес начинается. Темный, нехороший, там завывает что-то, аж уши сами к голове жмутся и мурашки по хвосту. Мы тогда кечига не нашли, родоч сказал, что, наверно, в лес забрел, и мы домой вернулись. Опасно там.

– То все знают, что там опасно. Мы туда и не пойдем, светящиеся кусты и тут есть, на этой стороне долины. Просто их почти не видно, но мне удалось разглядеть, – Топ горделиво напряг уши в знак превосходства и раздул носовые пазухи. – Я тогда тут три ветра один просидел, и только когда болота от урагана попрятались, кусты увидел. Они недалеко, только подойти к ним сложно.

– А ты знаешь, что старики говорят? – Томик посмотрел на друга. – Что светящиеся кусты и даже просто ветки большое несчастье приносят. А большего несчастья, чем трууги, я не видел.

– Том, расскажи, как ты их видел. – Тот помотал головой, почти закрыв глаз в знак протеста. – Расскажи, мы же друзья. У нас даже не все родочи труугов видели. – Томик сидел на хвосте, явно борясь с желанием рассказать. – Все равно нам ждать, пока болота не расползутся.

– Ладно. Только не перебивайте, мне еще припомнить надо – это ведь давно было, я еще совсем небольшой был.

Друзья уселись в кружок, и Томик прикрыл глаз, вспоминая события детства.

Тогда, больше двухсот ураганов назад, Томик жил в другом племени, почти таком же большом, как и сейчас, но в другой долине, далеко отсюда. Долина, почти такая же, как и эта, – с пожухлыми проплешинами редкой травы, уходила далеко в сторону экваториального пояса, с высокими – до неба пиками гор, откуда начинался и уходил вдаль темный непролазный лес. Отделенная от множества других, таких же, невысокими грядами скал с сидящим на них шапками липкого мха, долина имела одну особенность – там было озеро. Простое, возможно, неглубокое и чуть вытянутое розовое озеро, и, наверно, ту воду даже можно было пить, но с самых древних времен жившие в тех местах чвабуры это не проверяли – даже просто подойти к озеру, полностью всегда окутанному живым туманом, было опасно. Но однажды случился ураган, силу которого даже невозможно было представить, – и весь туман над озером исчез. Тогда-то чвабуры, увидев, что находится в центре озера, и вспомнили древнюю легенду о светящихся кустах. Легенда говорила о том, что однажды смелый чвабур прорвался сквозь туманы к светящимся кустам и оторвал ветку. Из ветки чвабур сделал амулет – и с тех пор мог летать, по желанию становясь легким, как облака пушинок липкого мха, и даже летал на небо. Тот чвабур получил огромную силу – мог сражаться в небе над самыми высокими скалами с ужасными птицами-маронами, одним когтем пробивающими простого чвабура насквозь, и побеждал их. Но однажды он нарушил какой-то закон существования – и привлек страшных существ-труугов, уничтоживших его.

Топ и Рум слушали рассказ друга не прерывая, хоть и сто раз слышали эту легенду, и только почесывали передними лапками с цепкими и сильными пальцами носы, демонстрируя внимание и уважение к рассказчику.

Чвабуры из племени Томика вспомнили легенду сразу, как только увидели, что представляет из себя островок посреди озера, покрытый святающимися розовыми кустами и окруженный сияющим ореолом над ними. После недолгих обсуждений трое смельчаков отправились к островку на собранном для этого травяном плоту – и благополучно добрались туда. Обратный путь оказался еще быстрее и проще. Как только смельчаки отломали по веточке от светящихся кустов, так сразу взмыли вверх над озером и, немного побарахтавшись, но – Сила Духа! – не выронив веточки, благополучно спустились вниз, под восторженные крики, прямо в центр стойбища племени, расположенного недалеко, выше по долине. Больше отправляться за волшебными веточками смельчаков не нашлось – розовый туман вновь окутал озеро, и путь ока-

зался закрыт. Томик помнил опытные полеты с этими веточками: с силой амулета даже самым слабым охотникам в племени легко удавалось догнать добычу – и племя больше не испытывало голода во время долгих ураганов, добычи охотников всегда хватало. Но однажды и это закончилось.

Перед очередной охотой один чвабур решил подняться высоко в небо – посмотреть стада диких кечигов. Поднялся он высоко – чуткие уши соплеменников слышали его восторженные крики, но, судя по всему, останавливаться не собирался. Взлетел он так высоко, что даже глазам охотников его не стало видно, а потом в той части неба мелькнула вспышка. Все в племени – и охотники, и родочи, и младени, и самки с неразумными детенышами подняли головы, привлеченные криком одного старика, указывающего скрюченной лапкой вверх. И сразу на стойбище посыпались, точнее, просто вонзались в землю короткие блестящие стрелы. Почти невидимая стрела вонзалась в утопанную землю – и сразу на месте падения образовывался круг пустого провала, куда падали чвабуры, упряжные кечиги и домашняя птица, жилища и любые строения. Самое ужасное, что запомнил Томик, привязанный на спину самки, еще маленький, но уже обладающий памятью, что в момент, когда стрелы касались земли, в образовавшемся провале все исчезало навсегда – и части их стойбища, и сами чвабуры. А потом самка повернулась к очередному провалу – и привязанный к спине Томик увидел невысоко в небе трууга. Трууг, желто-блестящий, острый с носа, дальше к заду уходил тремя ровными четкими линиями, и именно оттуда на стойбище сыпались страшные стрелы, рождаясь в изломах переплетенных световых линий. Томик помнил, что тогда кто-то, возможно, родоч, схватил самку и поволок ее вместе с детенышем в сторону. Замелькали кусты, жухлая трава, и маленький чвабур потерял сознание. Больше о том событии он ничего не помнил.

– Из всего племени только восемь чвабуров спаслось – два родоча, младень и четыре самки. У одной на спине я и был привязан. Мне повезло, что в тот день меня носила именно та самка, она в стороне оказалась от трууга, и в нее стрелы не попали.

– А амулеты те куда делись? Хотя ты не можешь помнить, – Топиг смотрел заинтересованно.

– Да там все наше стойбище исчезло в этих провалах – какие уж тут амулеты. Но я говорю, – Томик поднял вверх длинный средний палец в подтверждении важности своих слов, – нельзя использовать ветви святящихся кустов необдуманно.

– Старики говорят, что вообще нельзя к ним приближаться. А я думаю, что можно, – просто не нужно летать высоко с этим амулетом. И не летать же мы собираемся – просто скоро нас принимают в охотники племени, и мы можем стать сильнее.

– Или сделать сильными всех охотников – и стариков, и родичей, – Румик смотрел серьезно и строго. Даже глаз принял серо-стальной оттенок. – Если мы принесем ветви нашему племени – это будет доброе дело для всех. Нас тогда оценят и поблагодарят.

– Ну, старики не поблагодарят, скорее, велят родочам наказать. Лучше ветви к племени не носить. Но мой родоч говорит, что когда-то у племен были ветви священного дерева – и все были сильны и могущественны.

– Значит, главное – не использовать ветви необдуманно, – например, не летать высоко. И сначала ветви нужно добыть – а потом решим, нести ли их в племя. По-моему, ветер начинается, – Топиг поднял нос, повернув его против появившегося ветерка.

– Нужно идти всем вместе, – мордочка Рума выражала как всегда серьезность и важность совершаемого. – Ты, Топ, иди первый, если хочешь, – ты лучше всех прячешься и Силу Ветра слышишь. Но мы сразу за тобой на три стороны пойдём.

– Согласен, – Томик расширил зрачок и затемнил верхнее веко в знак готовности подчиняться. – Веди нас, Топ. Только мы обязательно сразу за тобой пойдём. А если что, все вместе и убежим.

– Ладно, пошли, – Топиг свернул свою броску, удобнее перестегнул плетеную конструкцию на себе – нечто среднее между перевязью, поясом и шлейкой и проверил висящее на ней снаряжение. Остальные сделали то же. Румик перевесил вперед под лапки колчан с дротиками. Ручку-металку, с помощью которой можно было бросить точно и далеко не только дротик, но и быстро изготовленное копье, забросил за спину. Три друга разошлись на небольшое расстояние и, выстроившись треугольником, пошли вперед. Через триста драх уже пришлось лечь и ползти между небольших неживых кочек – болотца и, главное, розовый туман над ними были близко, ветер гонял его туда-сюда все интенсивнее. Стаи пичужек уже убрались, и ветер просто перемещал розово-ледяной туман по всей низменной части долины – и, уже пусть и медленно движущееся, болотца постепенно стали окружать крадущихся чвабуров.

Неожиданно впереди мелькнуло короткое движение, и Топиг замер, почти слившись с невысокой травой. Сложенные назад уши-локаторы чуть повернулись, посылая назад сигнал «Внимание, замри», а лапки сами потянулись к узкому, но тяжелому каменному ножу на поясе, хоть Топиг и знал, что ни одно животное сюда не заберется из опасения розовых туманов. Троица замерла, Топиг всматривался в невысокие зернистые кустики, и вдруг единственный глаз начал удивленно раскрываться – из ветвившихся кустиков на него смотрел другой глаз – испуганно, как-то затравленно и, как показалось, чуть удивленно. Топиг медленно повернул правое сканирующее ухо – и сразу пришел образ нотика – маленького животного, испуганного, непонятно, как сюда забравшегося. Нотик был единственным неопасным животным в долинах и также единственным, на кого чвабуры никогда не охотились, как, впрочем, и не пытались заводить нотиков в качестве домашних животных. Это было бессмысленно. Считалось, что нотики обладают зачатками разума, как не развившиеся с возрастом дети чвабуров, и они никогда не жили рядом с чвабурами, по сути являясь одиночками. Предания племен рассказывали, что нотик не живет в неволе – или умирает, или уходит, и старики запрещали даже пугать их, а при встрече советовали уступать дорогу. Сейчас нотик испуганно смотрел на Топига, но было понятно, что боится он не его – зверек просто не мог выбраться из окружавших его болот.

Топик послал ментальный сигнал нотике, применив все возможности передачи, старики говорили, что некоторые нотики все понимают, и попытался успокоить животное. В голове постепенно менялся цвет образа животного – нотик, видя чвабуров, успокаивался и уже не так опасался неизвестности. Топик решил проползти немного в сторону, понимая, что животное не стронется с места, пока ему не освободят единственный путь из болот, когда от Рума пришел сигнал опасности, – и сразу почувствовалось духовение ветра. Все замерли, но ветер, чуть меняя направление, продолжал дуть в их сторону, и вскоре раздалось характерное потрескивание – розовый туман приближался. Топик уже хотел подать сигнал к бегству – шансы убежать от розового тумана были, если не придется оббежать движущиеся болотца и их не захватят в кольцо, когда неожиданно понял, почему туман приближается. Их не заметили, маскировка чвабуров превосходная, а вот нотик такой маскировкой не обладает, и вообще чудо, что ему удалось до сих пор выжить. Мысль лихорадочно заработала, не находя непривычного и неочевидного решения, когда руки сами сделали, что нужно. Топиг открыл поясную сумку и позвал нотика, посылая тому сигнал прятаться. Уговаривать того не пришлось – маленькое мохнатое тело скользнуло в траве и нырнуло в поясную сумку, повозилось там и замерло. Топик свернулся калачиком, закрывая животное собой и слился с местностью, становясь невидимым для зрения почти всех живых существ в долинах.

Потрескивание приближалось, и Топиг боролся с желанием подать сигнал к бегству – судя по всему туман подходил со стороны, где залег Румик, и Топиг боялся за него. Беспокойство за друга стало почти невыносимым, и он уже решил подать сигнал, когда почувствовал, что его успокаивают. Прислушавшись к ощущениям, Топиг понял, что успокаивает его именно нотик, чьи сигналы чвабур ментально и воспринимал, – и чувствовалось, что нотик уверен

в безопасности. Действительно, вскоре потрескивание стало стихать – розовый туман уходил, и потом совсем прекратилось.

И слева, и справа пришли сигналы, что все в порядке, но к сигналам примешивались недоумение и невысказанные вопросы. Топиг, чуть повернув уши, как мог нарисовал образ нотика, спрятавшегося в сумке, – и к нему пришли испытанные друзьями чувства удивления и восхищения. Топиг ухмыльнулся, чуть прикрыв глаз, и, сам удивляясь произошедшему, подал сигнал к движению.

Следующие сотни драх троица ползла без приключений – как раньше замечал Топиг, на этот участок болотца почти не заползали. Наконец, повеяло знакомой сыростью и, всмотревшись, чвабур увидел сквозь зернистые стебельки неясное свечение – они были почти у цели. И сразу почувствовал, что нотик прекрасно понимает, где они находятся, – из поясной сумки пришел предупреждающий сигнал опасности и недоумения. Нотик, видимо понимал, что он не может покинуть сумку, не будучи обнаруженным, но не понимал цели путешествия. Топиг, как смог, успокоил животное и подал сигнал своим оставаться на месте. Но дальше проползти удалось не более пятидесяти драх.

Снова раздалось потрескивание, как будто болотце впереди и розовый туман над ним затаились, и сразу начался ветер – теперь порывами уже со всех сторон. Когда потрескивания начались уже сзади, Топиг послал друзьям сигнал отходить – ответа не было. Чвабур начал волноваться, когда от нотика пришел образ: треугольник друзей в низине долины и приближающиеся к ним образы тумана. Осознав ментальную картинку, Топиг чуть не вскочил бежать в страхе – он оказался отрезан от друзей, единственный свободный путь был только впереди, но Румик и Томик еще могли успеть выбраться из западни. И снова Топиг только успел удивиться своему решению, когда понял, что уже действует.

Он вскочил, уже не скрываясь, – розово-ледяные туманные образования над болотцами сразу определились с направлением, и ветер задул сильнее, подгоняя. Топиг повернулся к друзьям, он уже просто кричал, не тратя время на создание ментальных образов.

– Быстро назад! Рум, Том, бегом назад! – крик как будто подстегнул туман – и кольцо начало смыкаться быстрее. – Я бегу вперед, там есть чистый путь. – Друзья приподнялись, но не решались последовать совету. – Бегите назад! Прямо! Быстро, а то сожрут! Я выберусь.

Томик первый последовал приказу – развернулся и бросился бежать, уходя от перекрывающего путь тумана. Чвабуры могли бегать быстро – при каждом прыжке выгнутый хвост не только балансировал тело, но и давал дополнительный толчок от поверхности, попеременно то одной, то другой задней конечности. Томик почти сразу скрылся за туманом, а Румик замешкался. Дернувшись туда-сюда, видимо, пытаясь прорваться к заблокированному Топигу, Рум размахнулся – и у ног Топига плюхнулся колчан с дробиками и ручкой-металкой. После Рум издал короткий крик и, совершив почти нереальный прыжок, перескочил клубы тумана, начавшего понизу захватывать небольшое свободное пространство. Миг – и второй друг исчез за надвигающейся розовой стеной. Под оглушительное потрескивание, чуть покачиваясь от порывов ветра, дующего во всех направлениях, Топиг схватил колчан, забросил за спину, притянув ремень, и бросился вперед к светящимся кустам. Так быстро ему бегать еще не приходилось – не просто бежать, а перескакивать через странные маленькие, но не двигавшиеся болотца. Хорошо, хоть тумана впереди не было, и Топиг видел ореол сине-розового света над небольшим островком светящегося кустарника впереди. До него оставалось не более двадцати драх, когда Топиг задел хвостом поздно увиденное болотце. Его дернуло, на миг показалось, что хвост просто оторван от тела, и последнее, что зафиксировало сознание, кроме нарастающего треска в ушах, беспомощный полет кубарем и потом мягкое и нежное касание того самого светящегося куста, куда он так стремился.

* * *

Событие было поистине грандиозным не только для планеты Земля, но и для всего обжитого человеком к этому времени пространства. И не только человеком – уже четверть века как к Скопе Сознаний, структуре, объединяющей все сообщества и индивидуумов планеты Земля, созданной после объединения анклавов и образования Главного Совета, присоединилась раса фогги, разумных туманных энергосущностей, чья планета-дом висела в пространстве между Землей и ее вечным спутником. Тридцатилетие образования Скопы отмечалось в эти дни везде – и на Луне, где старый Лунный городок превратился в мегаполис, окруженный сетью жилых и научных кампусов и предприятий, разбросанных по всей планете. И на Марсе, где за полвека колонизации выросла сеть городков-поселений со своей столицей – огромным георбитальным комплексом Марс-сити – детищем когда-то упраздненного Союза Корпораций, но отстоявшего свои позиции в плане финансов и торговле. И сейчас на безвоздушной планете новая структура – Корпомарс, объединение ведущих корпораций, занималась всем – от добычи ресурсов и промышленной переработки до реализации военных заказов, для чего существовали орбитальные верфи и многочисленные геокомплексы заводов и фабрик. Добывали кислород и воду, полезные газы и ископаемые, отправлялись экспедиции вплоть до пояса астероидов, а исследовательские еще дальше, развитая инфраструктура позволяла осуществить многие поставленные цели – и на планете уже жило, училось и работало более миллиона человек.

Но люди были не только в околоземном пространстве, куда входила вся территория орбит от Малого астероидного пояса до гелиостанций на орбите Меркурия. Активно обживался Юпитер, точнее его спутники, а недавно запущенный структурами Корпомарса проект «Астросат» позволял в будущем изучать, вести геологоразведку, а потом и промышленную добычу полезных минералов и газов колец Сатурна.

Грандиозное празднование тридцатилетия образования Скопы, радость, восторг и удовлетворение от проделанной работы ощущались не только в обжитом человеком пространстве. Фогги, разведчики-исследователи и охотники за энергией, могли добираться до многих уголков Млечного пути, а связанные Единым инфополем Вселенной ливитные образования, в просторечии Центры Связи, в известном количестве 16-ти штук, были разбросаны по всей галактике и даже немного за ее пределами – и радость, и ликование объединения и от проделанной совместной работы были и там. И даже на нескольких исследовательских человеческих кораблях дальней разведки с немногочисленными добровольцами, отправившимися исследовать пространство более пяти лет назад. Три таких корабля серии «Лист М7» были отправлены силами Скопы, соответственно пять, четыре и три года назад в разные рукава Млечного пути. Горизонт событий, точка невозврата для кораблей была определена в четыре, семь и семь с половиной тысяч световых лет от Солнечной системы – большего не позволял ресурс корабля и человеческого организма. ПЛ-ресурс, используя законы пространства-времени, давал многое – от двигателей и комплексной защиты до современных биорегенов, но человеческий биоресурс имел ограничения, и люди могли путешествовать пока не более десяти лет без естественной человеку среды обитания.

Двигавшийся в дрейфе на гравитационной тяге кораблик серии «Лист», отправленный четыре года назад в пространство рукава Персея, был самым маленьким из трех – при экипаже из двух человек, одного фогги и, естественно, Ливита. Сейчас кораблик находился сравнительно недалеко от домашней системы – в трех с половиной тысячах световых лет, на окраинах рукава Персея, проделав почти половину возможного пути. «Лист» двигался не только в ПЛ-поле, но используя гравитационные двигатели, имел возможность изучать звездные системы и планеты, чем и занимался, обследуя уже восьмую звездную систему.

В маленькой рубке корабля царила полутьма, тусклыми огоньками горели только многочисленные табло и рабочие элементы управления, да вогнутый прозрачный многослой-

ный экран перед двумя креслами показывал чуть мерцающую пустоту космоса с маленькой, но яркой тройной звездной системой в центре. До нее было еще далеко, и бортовой квантоум, а в основном Ливит, занимались анализом внешней среды, рассчитывая пути безопасного подхода. Человек в кресле – уже пожилой, с длинными усами и русой бородой, одетый в штатный комбез дальней разведки, – безмятежно спал, чуть приоткрыв рот, с какой-то детской улыбкой на лице. Мембрана шлюза в рубку неслышно разошлась в стороны, и в помещение проник еще один член экипажа – маленькая коротко стриженная женщина уже в возрасте, но подвижная и быстрая. Бросив взгляды на сигналы панели управления и короткий на экран, легко запрыгнула в свое кресло и посмотрела на спящего. На лице появилась шаловливая улыбка, женщина помахала рукой, привлекая внимание Ливита и приложила палец к губам. Пристегнулась фиксирующим полем, визуальную проверила работу систем и отключила ряд маячков на панели управления. Положив руки на джойстики управления кораблем, еще раз искоса посмотрев на спящего, улыбнулась еще шире и резко дернула джойстики. Картинку на экране повело, рубка компенсировала маневр маленького корабля в пространстве, но спящего толкнуло в кресле. Тот дернулся, проснувшись, руки сразу привычно бросились к джойстикам, а глаза считывали информацию с панели управления. Но уже через короткие доли секунды на лице Иана заиграла улыбка, и он повернулся к спутнице.

– Лиз, ты снова со своими шутками? – строгий голос не вязался с добрыми глазами и радостью на лице. – Я ж только уснул.

– Не только, – Лиз тоже улыбалась. – Ты уже два часа спишь.

– Ну-ну. Как будто бы ты проверяла.

– Ливит проверял. А я уже и поесть успела, и душ принять, и побегать даже. То есть сначала побегать, потом душ, а потом и поесть. Иди, ешь, я тебе там твой любимый соус приготовила. И, кстати, всех с праздником!

– Соус? Отлично! Тебе, жена, благодарность от всего экипажа. И тебя тоже с праздником.

– Иди давай, муж. Я приняла. А насчет благодарности от всего экипажа, так этим ее несложно и заслужить – тут на тысячи световых лет вокруг только два биосущества, и одно из них точно любит этот соус.

– Ладно, я пошел, – Иан отстегнулся, быть пристегнутым на вахте предписывалось правилами в таком режиме перемещения, тем более в незнакомом пространстве вблизи неизвестной звездной системы и, поцеловав жену, покинул рубку.

Лиз продолжала проверять работу бортовых систем, когда раздался веселый голос:

– Снова разыграла? Привет, Лиз.

– Ага. Привет, Ливит.

– Лиз, посмотри данные струномера за последние три часа.

– Смотрю. Изменения в пределах погрешности. Хотя..

– Вот-вот. Линия 647ЛВ7. Четыре раза за три часа.

– Это уже цикличность. Странно. Анализ?

– Десять минут до ожидаемых проявлений. Данные на экране. Надеюсь, капитан успеет поесть.

– Капитан? – Лиз улыбалась.

– Иан уже давно сравнивает нас с маленькой лодкой в безбрежном океане, – в голосе Ливита чувствовался смех. – Вот я и говорю – капитан.

– Да, плаваем мы уже давно. Ливит, ты тоже становишься сентиментальным.

– Немного. А вот и капитан.

Мембрана раздвинулась, и Иан, сделав пару шагов, почти прямо от порога запрыгнул в кресло. Что-то дожевывая, одной рукой включил фиксирующее поле, другой уже выводил данные на рабочую панель. Лиз смотрела, улыбаясь.

– Ну, как соус?

– Выше всяких похвал. Никогда не мог понять, из чего ты его готовишь.
– Ну, лучше тебе не знать, – Лиз смеялась, Иан тоже усмехнулся. – Но ведь вкусно?
– Особенно, когда он горячий. Так. Ливит, будем считать, что это объект. Сколько до него?

– Четыре с половиной часа. Есть предположение.

– Да, год назад мы такое уже встречали. А куда он движется?

– Вот к этой тройной системе и движется. Предполагаемая траектория на экране.

– Маскирован?

– Да. 7—9 ри. Но поле особое. Это «странные».

– Скорее всего. Такой шанс упускать нельзя, любая информация об этой расе очень важна.

– Но они не идут на контакт! – Лиз смотрела за действиями мужа. – Все попытки Скопы начать взаимодействие оканчивались ничем. Они предупредили, что даже приближаться к ним нельзя – они воспримут это как агрессию и отреагируют соответственно. Ни к кораблям, ни к их территории.

– Ну, здесь не их территория. Их домашние системы далеко отсюда. А что же могло им тут понадобиться?

– Ну, нам же что-то понадобилось. Может быть, тоже исследователи.

– Ага. Военные. Крохи информации о них говорят о том, что это раса воинов.

– Точнее, воинов-властителей. Помнишь первый контакт? Точнее не контакт, а как мы нашли обломки их кораблей. Это когда их инверс размолот.

– Вот сейчас и повспоминаем. Ливит, маскировка?

– 11-ть ри.

– Сколько нам до системы?

– Чуть меньше трех часов при такой маскировке.

– Начинай движение. Точку я рассчитал. Проверь, если все правильно, идем вон к той звезде. Там ныряем глубже – до 12-ти ри.

– Иан, ты уверен? – Лиз работала с панелью, следя за данными на табло, но глаза выражали беспокойство.

– Уверен. Тут происходит что-то необычное, нужно понять что.

– Согласна.

За последующие три часа, пока подходили к системе, несколько раз меняя гравитационную тягу, Лиз вспоминала, что известно о расе «странных» – название появилось само собой около четверти века назад, когда впервые произошло то, что с натяжкой можно бы было назвать контактом.

Это сейчас некоторые смеялись, что тогда чуть не началась первая галактическая война, но в то время всем было не до шуток. О присутствии этой расы знали и знали о ней как о высококоразвитой расе, тем не менее, вызвавшей реакцию инверса. Тогда, тридцать лет назад, экспедиции Иана не удалось исследовать обломки найденных кораблей, но присутствие чужой расы проявилось вскоре вновь, всего через пять лет. У колец Сатурна был уничтожен гравибуй и почти сразу беспилотный дальний транспортник, везущий материалы и оборудование для исследовательской станции на местном спутнике. «Странные» и не скрывались – несколько их треугольных, желто-блестящих кораблей просто висели чуть выше основных колец планеты. Невдалеке прошел еще один гравибуй – «странные» никак не отреагировали, чего-то ожидая. И как оказалось, действительно ожидали реакции людей, просто заявив о себе таким способом.

К месту происшествия была отправлена группа из трех кораблей, но полноценного контакта не произошло. От кораблей «странных» шел то постоянный, то прерывающийся сигнал, но разобраться даже в его природе не удавалось. На сигналы и попытки разговора даже в ПЛ-поле они не отвечали. При появлении флота людей вокруг кораблей «странных» образо-

вался огромный, десятикилометровый в поперечнике, прозрачный шар, по поверхности которого мелькали желтые искорки. Любые модули с информацией – добровольцев, жаждущих контакта, туда никто не отправлял – сразу уничтожались неизвестным оружием вскоре после попадания внутрь шара. Слава Святой Матери, горячих голов, желающих выстрелить по неизвестным кораблям, отомстив за уничтоженный транспортник, нашлось меньше, чем голов холодных. Наконец на общем собрании аналитической группы было решено отправить просто часть Ливита – в виде информационного накопителя с коротким сообщением о предложении контакта.

Идея увенчалась успехом – «странные» приняли накопитель, и вскоре Ливит вернулся обратно, после чего шар свернулся и исчез, треугольные корабли закрылись маскировочным полем и исчезли тоже, но ПЛ-сканер и новой модификации струномеры позволили определить направление – корабли ушли в сторону средней части рукава Персея. Записанная информация после дешифровки, для чего пришлось задействовать не только Центр Связи Ливита, где уже давно создавался универсальный ксенолигвистоум, но и доступную информацию из Единого инфополя Вселенной, поразила всех.

Текст послания звучал высокопарно и настолько высокомерно, что некоторых пришлось удерживать от необдуманного ответа на том же языке. «Странные» сообщили низшим существам – мокрицам и червям – Ливит долго подбирал слова, пытаясь дать точный перевод, что их повелители долго наблюдают за ними и не уничтожают их потому, что не видят в этом интереса. Они пришли заявить о себе, так как низшие существа должны знать, кто всегда был их хозяином. Высокоразвитая раса воинов, так они себя называли, не пойдет ни на какие контакты, более того, она предупреждает об опасности таких попыток со стороны других рас. Их территория обитания священна, и все, кто попытается туда проникнуть, будут уничтожены и будет уничтожена раса, пославшая контактера. И где бы ни находились корабли высоко развитой расы – низшие существа должны немедленно уйти. Ореол безопасности вокруг кораблей странных очерчивает их священную территорию, червяки и мокрицы не могут находиться там – попытка нарушить данные границы, в каком угодно проявлении, повлечет за собой немедленную кару расы червяков и мокриц и так далее.

Небольшой шок от столь неудачного контакта – или удачного, по заявления некоторых ученых, вскоре прошел. А потом начался сбор всей возможной информации о новой расе – тогда ее и назвали «странной». Были задействованы все возможные ресурсы – от Центров Связи Ливита, работающих в Едином инфополе, древних преданий фогги и памяти их планеты-дома до совершенствования собственных средств разведки. Чем и воспользовался Корпомарс – такого расцвета военной промышленности и повальной постройки боевых кораблей человечество никогда не знало. А потом начали поступать первые разведданные – и угроза, как многие и предполагали, оказалась не столь существенной.

«Странные», возможно, раса биотипа, жили на планетах столь различных, что это вызвало удивление их уровнем развития, находящихся в четырех звездных системах. Три из них, отстоящих друг от друга на равном расстоянии, примерно в один световой год, сразу посчитали их домашними системами, четвертая находилась чуть дальше – в двух с половиной световых годах. Одна планета в звездных системах была даже кислородного типа, остальные по классификации составляли полный набор для планет этой части галактики – разного состава атмосфера или отсутствие ее, различная гравитация, давление и различный уровень агрессивности среды. Позже выяснилось, что «странные» жили в основном не на планетах, – подавляющее большинство особей жили на кораблях и созданных огромных комплексах – таких же треугольных, в изломанных линиях и желто-блестящих. Об одинаковом дизайне космических строений огромной расы, раскиданной по четырем звездным системам, было много разговоров, но еще больше разговоров вызвал сам менталитет странных.

Скорее всего, внутри раса сильно различалась по национальному признаку, генетически или энергорядом, и различия были гораздо сильнее, чем у людей. По предположениям ученых, это была раса воинов-одиночек, собирающихся в кланы только по необходимости или по национальному признаку и никогда не прекращающих войну друг с другом. Как только вновь рожденный становился воином, получал или строил одноместный корабль, он сразу становился одиночкой, живя исключительно своим эго. Долгие тысячелетия – ученые сходились во мнении, что эволюция расы не более пятидесяти тысяч лет – и создали причудливый менталитет: стремление к превосходству и исключительности не только в отношении к себе подобным, но и к другим расам Вселенной. Покорять и властвовать было у них в крови, если, конечно, кровь у них была, но, к счастью, столь сильная разобщенность внутри расы не предполагала возможной экспансии соседей по галактике, – по словам аналитиков, нападать на Скопу они бы не решились. Да и, скорее всего, у них просто нет таких возможностей – долгие наблюдения за сражениями «странных» между собой показывали, что те выглядят не очень грандиозно. Они уничтожали друг друга, но принцип создания их оружия уже был людям известен, и против него было достаточно усиленного ПЛ-щита, а по разрушительной силе оно было слабее, имеющегося у людей. «Странные» действовали диверсиями и провокациями, устраивали ловушки или побеждали в основном численным превосходством того или иного флота – а их общее количество воинов-одиночек было поистине грандиозным. Тем не менее, Главный Совет запретил полеты в пространство «странных» и предостерегал от любых попыток контакта или агрессивных действий в отношении этой расы. И раса уже никогда не выходила из-под наблюдения.

Таким образом, стало понятно, что странные не хотели нападать на Скопу или напугать кого-то – просто они так общались всегда и со всеми, за последующие четверть века не было никаких столкновений или случаев удачного контакта – «странные» не менялись, но и в системе Солнца они больше не показывались. Тем более необычно и интересно выглядело их появление здесь, на пути «Листа», – более чем за полтысячи световых лет от домашних систем.

Лиз тряхнула головой, фокусируя внимание и прислушалась, – Иан разговаривал с Ливитом. Они как раз подходили к системе – на экране небольшая белая звезда ослепительно блестела, хоть экран и затемнял часть обзора, защищая глаза экипажа. Внизу, на проекционной сфере среди астероидных полей, орбит крупных тел и газовых колец выделялся ряд планет, двигавшихся вокруг звезды. Три из них составляли определенный порядок – своеобразный парад планет, двигаясь с разной скоростью, но в единой связке.

– Ливит, вот по этим трем всевозможные данные. По-моему, ты прав.

– В чем прав? – Лиз сняла руки с панели управления и, подняв их вверх, потрясла кистями, пока в невесомости. – Маскировка 12 ри. Десять секунд до гравы.

– Принято. Ливит, анализ по траектории «странного» готов?

– Ага. На экране.

Деревянная птичка-оберег под потолком рубки рухнула вниз и запрыгала на резинке держателе. Несмотря на отсутствие невесомости, тяжести в теле не ощущалось – ПЛ-поля этого уровня маскировки предполагали мерность пространства-времени, где дискомфорт не ощущался – как на Земле вынырнуть из воды и разлечься на прибрежном песочке, даже ощущение удовольствия было похожее. Такие моменты Лиз любила – жаль только, что данная настройка ПЛ-полей включалась только при требовании больших скоростей или, наоборот, при дрейфе, если нужно было накрыться глубокими маскировочными полями.

– Минут через пятнадцать его будет видно. Лиз, прости, что ты говоришь?

– Говорю? – Лиз потянулась, сняв шлем, подергала вперед-назад ежик светлых волос, улыбнулась, явно наслаждалась земным тяготением – гравы работала отлично. – А, точно. Я спрашивала, в чем прав Ливит.

– Я предположил, что на одной из этих планет может быть жизнь, причем, возможно, биотип.

– Интересно. А почему именно на этой?

– Она очень сильно отличается от всех, виденных нами ранее. И не только нами, а вообще учеными Скопы. Там незначительные перепады давления, гравитация стабильна и в пределах шкалы. Планета хорошо защищена от любого излучения своим магнитным полем и полями соседок. Среда среднеагрессивная, кроме полюсов и очень высоко поднятого экватора планеты. Правда, среднеагрессивная, это как посмотреть – атмосфера планеты молода и чего только там нет – посмотри на проекцию. – Лиз с интересом взглянула. – Сфера превратилась в чуть растянутый на экваторе шарик, розово-серый, чуть зеленоватый и ровный, но экватор опоясывало кольцо громадных, высотой до сорока километров, гор, при ширине пояса до тысячи километров, с многочисленными активными вулканами. – Вот эти ураганы совершенно разные по составу – тут и водород с гелием, правда, немного, и аммиак и много метана. Немного серы и углекислого газа – это ближе к полюсам, над которыми слой атмосферы значительно уже – приблизительно в десять раз. А вот над этими долинами перед горной экваториальной цепью в основном метан, немного кислорода и азот. – Лиз смотрела на подкрашенную в разные цвета живую атмосферу планеты. – Вот эти линии – это аргон и криптон, а вот тот прерывающийся слой – озон или что-то на него похожее. Вообще состав атмосферы очень необычен, многих соединений и частиц просто нет в Солнечной системе. И все это перемешивается, исчезает и снова почему-то восстанавливается – видите, потоки и волны цикличны, ураганы стабильны, точнее восстанавливают или почти не меняют свой состав, – и проносятся по планете приблизительно раз в две недели. Согласитесь, при такой динамике и многочисленных островках стабильности могла возникнуть жизнь. А еще и система тройная. И самое необычное – вот этот ряд розовых пятен. – На проекции по обоим сторонам экваториальной цепи планету опоясывали два рваных ряда серо-розовых бесформенных клякс, местами образуя огромные скопления. – Это участки генерации очень необычных полей. Такие поля, точнее похожие, я видел только в себе.

– В себе?!

– Да, в себе. Похожие поля генерирует Ливит. Но о них я рассказать не могу – просто не знаю как. Вы активно изучаете ПЛ-контур, его возможности, но к этому вы даже близко не подошли. По моим предположениям, эти поля – это что-то похожее на работу Единого инфополя, но только в том смысле, что Вселенная использует похожие поля. Точнее, поля – это продукт... Нет, я действительно не знаю.

– Ну, вот. Мы нашли то, что не знает даже Ливит, – Иан рассматривал проекцию зеленовато-розовой планеты.

– Да я даже себя полностью не знаю, впрочем, как и вы. А уж что может быть или есть во Вселенной.. Говорить о том, что тебе известно все, – верх самонадеятельности. И бессмыслица – нет пути.

– Возможно, и так. Значит, там может быть жизнь – в неизвестной форме и есть что-то, что генерирует эти неизвестные поля. А, кстати, как там наш «странный»?

– Полторы минуты до идентификации. Два с четвертью миллиона километров. Точка на проекции.

– Ждем.

Вскоре на проекции тройной звездной системы мелькнула и загорелась красная точка, а позже появилась и траектория – «странный» шел к средней из трех планет.

– Так и есть, он один, но корабль довольно большой – типа нашего легкого крейсера. Ливит, маскировка? Можем «комара» отправить?

– 9—10 ри. Сканер лучше не отправлять – велика возможность обнаружения.

Треугольный и блестящий в свете трех звезд корабль «странных» уже подходил к планете. Почти проскочив мимо соседней, чуть не задев скопления астероидов-спутников, ускорился и, не маневрируя, вопреки всем законам астрофизики, под прямым углом вошел в атмосферу и исчез.

– Ничего себе. Он даже скорость не сбросил, – Лиз смотрела на проекцию планеты, где среди атмосферного тумана исчез «странный». – И будьте уверены, с ним все в порядке.

– Кстати, давно замечено, что такие маневры и такие скорости присущи только части расы «странных», преимущественно базирующихся в четвертой их звездной системе – той, что подальше от остальных.

– Может быть, и этот оттуда. Ливит, ты что-то хочешь сказать, но не знаешь как? Это про данные струномера?

– Ага. Мне показалось, что на корабле «странных» присутствует то же поле, что и на планете. Я не уверен, что именно то же, – они хорошо экранированы, но настрой очень похож.

– Так. Действительно, чуточку похоже, – Лиз с интересом рассматривала табло. – Боюсь даже предполагать, с чем мы столкнулись.

– Да, выводы делать рано, – Иан активировал внутренний обзор. – Как там наш Джон?

В ангаре, между двумя закрепленными на стенах глассерами, висел над неизменным старым водородным генератором фогги. Туманообразное тело Джона мерцало привычными короткими разрядами, судя по пепельно-серому цвету внешнего контура тумана, Джон просто спал.

– Джон, ты как?

– Я все немножко слышу. Я ем. И думаю.

– Нам показалось, что ты просто спишь, – Иан смеялся. – Мы добрались до системы.

– Я все слышал немножко. Давай, командир, выпускай меня.

– Там «странный», у него неплохие сканеры.

– Я знаю немножко. Я туда не пойду, просто по системе полетаю. Если что, позовете.

– Джон, сигнал только на прием, маскировка не менее 9-ти ри. И близко к планетам, особенно вот этой, пока не подлетишь. Хорошо?

– Хорошо, – показалось, что Джон вздохнул. – Надеюсь не пропустить самое интересное. Немножко так. Открывай ангар.

– Открываю.

Многоступенчатые мембраны шлюзотсека начали открываться и через полминуты Джон исчез – на проекционной сфере мелькнула зеленая точка и сразу ушла на окраины системы. Иан помотал головой и улыбнулся – засиделся Джон в ангаре, пока шли к этой системе. Теперь, если ничего экстраординарного не произойдет, его обратно не загонишь, пока не придет время покинуть систему. А уж обследует он все три звездные системы – фогги обладали не только способностью к огромным скоростям, но и поистине неумным любопытством.

– Ну что, а мы куда, капитан? – Лиз тоже улыбалась. – Хотя я догадываюсь – идем к планете.

– Да, нужно разобраться, что здесь происходит, – Иан работал с данными на экране. – Ливит, маскировка на максимум, идем вот сюда – повисим на высокой орбите, жаль, что наш «Лист» не предназначен для посадки на планету.

– Ага, не предназначен, – в голосе Лиз слышались нотки сомнения. – Знаю я тебя. Но ведь с низкой орбиты можно задействовать глассер. Я согласна быть пилотом. – Лицо Лиз было требовательно-ожидаящим, глаза горели живейшим интересом.

– Посмотрим, пока рано об этом говорить. Экипаж, готовность маневра. Пошли.

* * *

Извивающийся ряд энергобашен, на километровой высоте окутанный прозрачным, искажающим реальность туманом вокруг систем охлаждения, уходил в темноту – и только там, где начинались комплексы термоядов, освещался блеклым с большого расстояния светом. Другого света ни на поверхности, ни в ночном небе не было – энергобашни, соблюдая цикличность, стояли на зарядке, ожидая появления орбитальных приемников, через несколько часов должны появиться на этой части планеты. Недавно в высоте, точнее по супернизкой орбите, прошла небольшая орбитальная верфь земной корпорации «Спутник», где как всегда шла непрерывающаяся работа – верфь изготавливала комплектующие для энергощитов. Вскоре маленькой звездочкой должен был появиться целый комплекс верфей – гораздо больших, уже для постройки и оснащения транспортников и ударных крейсеров всех классов. Туда энергобашни и готовились подать заряд через несколько ПЛ-экранов, в определенное время занимающих определенные точки пространства. В обычном режиме своей энергии верфям хватало – на полную башни работали только в первое десятилетие Скопы, когда обустроивались орбитальные комплексы, а потом их перевели на холостой ход. Но комплексы энергоподачи не потеряли свою значимость – использовались для защиты планетарных построек от возможных ударов метеоритов и просто придавали спокойствие населению планеты – люди просто не могли чувствовать себя незащищенными.

Теперь же, уже несколько лет, верфи не справлялись с поступающими заказами – Совет Корпомарса строил дополнительную орбитальную инфраструктуру, и башни были задействованы по прямому назначению. И строил не только на орбите. Возможная угроза со стороны «странных», активно насаждаемая подконтрольными медиаструктурами, – Союз Корпораций распался, но каста осталась кастой и применяла проверенные технологии влияния, сыграла основную роль. Что и позволило местному Совету, а точнее лоббистским силам корпораций, замкнуть на себе многие финансовые потоки. А потом Главный Совет уступил контроль за заказами частных военных компаний Совету Компомарса – и процесс милитаризации разросся как снежный ком. Для реализации нужна была инфраструктура, людские ресурсы, технологии, средства – и за неполное десятилетие на Марсе из нескольких исследовательских кампусов и предприятий по георазведке, добыче и переработки вырос целый мегаполис – Марс-сити. На это Совет Компомарса изыскал средства – людям была обеспечена работа, достойное существование и защита – силы местной полиции на поверхности и несколько групп прикрытия частных военных компаний всегда присутствовали на орбите, и, естественно, ряд этих самых энергобашен – своеобразный противометеоритный зонтик.

Главный Совет понимал опасность милитаризации соседней планеты – сепаратистские настроения частных военных компаний и корпораций, негласно поддерживаемые Советом Корпомарса, не были тайной. А нарушать свои же законы и правила некоторым представителям человечества было не впервой, такое случалось еще задолго до образования Скопы. И Главный Совет, кроме явного контроля, производил и тайный – Совбез, отдельная структура Совета, активно занимался контрразведкой во всем обжитом человеком пространстве. Именно поэтому тайное совещание нескольких влиятельных управляющих Корпомарса проходило не где-нибудь, а в одной из энергобашен. Приглашенные проникли сюда в обыкновенных комбезах местной энергокорпорации, поодиночке, на общественном транспорте, а потом вахтовыми модулями. Поднялись наверх в закрытый полутемный зал аварийного модуля башни и сейчас, рассевшись в креслах перед нерабочими экранами, ожидали появления еще одного человека – того, кто их и пригласил на совещание. Семеро приглашенных – кто разговаривал, кто со скучающим взглядом рассматривал оборудование модуля, кто просматривал информацию на личных браслетах – ожидали уже более получаса, и нетерпение все возрастало. Наконец двери раздвинулись и к приглашенным по трехступенчатой лестнице спустился совершенно лысый человек с большими жесткими глазами на маленьком лице и в таком же, как и на всех, комбезе среднеагрессивных сред.

– Приветствую вас, господа. – Кто-то, привстав, наклонил голову, кто-то небрежно кивнул с места. – Прошу прощения за задержку – нам очень важно было сохранить происходящее в тайне, – человек улыбнулся одними губами, глаза смотрели холодно, тело приобрело, как показалось, естественную для хозяина позу воина – человек расправил плечи, колени чуть согнуты, руки свободно висят вдоль тела, но от пришедшего просто веяло скрытой силой.

– Совещание будет проходить не здесь – по требованиям безопасности нам придется переместиться в эвакуационную капсулу, немного переоборудованную. Я надеюсь, это не предоставит вам больших неудобств. Потом вы поймете, почему предприняты такие меры. Наручные браслеты и другие гаджеты лучше оставить здесь, – поднял руку, пресекая возражения. – Ничего с ними не случится, а вот с вами.. – Как-то жестко и плотоядно ухмыльнулся. – Надеюсь, вы вняли предупреждению, и ни у кого нет скрытых имплантатов. Пойдемте, господа, это рядом. – Человек прошел к шлюзотсеку, за ним потянулись и остальные.

Шлюзотсек привел к круглому помещению с несколькими эвакуационными капсулами, довольно большими. Человек подошел к четвертой, последней в ряду, и сделал приглашающий жест. Люди один за другим ныряли в раздвигающуюся многоуровневую мембрану, лысый человек дождался последнего и, сказав что-то по браслету, снял его, бросил прямо на пол и тоже нырнул в раздвинувшуюся мембрану. Внутри люди уже расселись, кто-где придется, и приготовились слушать.

– Мы все знаем друг друга не один год и доверяем друг другу. Но перед тем, как вы поймете важность сегодняшней встречи, хочу предупредить, что проходя мембраны шлюза этой капсулы, вы подверглись воздействию соединений полей, создавших особые настройки вашего энергоряда. – Лица собравшихся стали вытягиваться, кто-то вскочил, собираясь протестовать. Человек поднял руку. – Дослушайте. Кстати, если бы у кого-нибудь был скрытый имплантат, этот человек был бы сразу ликвидирован, невзирая на любые последствия. – Люди напряглись. – Индивидуальную настройку энергоряда отменить невозможно – только при помещении мозга человека в особое поле. Теперь при разглашении информации, касающейся нашего проекта, ваш энергоряд сам оценит степень важности информации – и вы или потеряете сознание и часть энергоряда просто исчезнет, память будет стерта, но вы останетесь живы и придете в себя, не помня всего, что касается проекта. Или умрете, и это решать вам и вашему энергоряду. – Люди застыли, не в силах произнести ни слова. Наконец, раздался дрожащий голос:

– А вы не подумали, что я могу сойти с ума от мысли, что мое сознание само решает жить мне или умереть? – говоривший вытирал пот со лба.

– А разве до того вы жили не так? Вы в любую секунду могли попасть в сложную ситуацию, и очень может быть, что вашему сознанию пришлось бы решать, жить вам или не жить. Человек всегда это решает, просто сейчас у вас есть рамки, за которые нельзя переходить – как нельзя шагать в пустоту с этой башни, так и нельзя распространять особую информацию. Кстати, я прошел такое же воздействие давным-давно и, как видите, жив.

– Скажите, контроль над нами ограничивается сохранением тайны? – другой приглашенный, совсем молодой человек, внимательно смотрел в глаза главному. – Или мы стали послушными рабами того, кто может дать нам противоядие?

– Да, такое можно было бы сделать, например, заставить человека делать то, что нужно вам, – иначе он не получит воздействия особого поля и умрет. Но к вам это не относится – мы все здесь в равных условиях, и все, что от нас требуется, это только соблюдение тайны. А в случае угрозы проекту можно применить и другие способы. Если все понятно, давайте перейдем к делу. Мистер Вонз. – Человек, отличающийся от остальных преданным взглядом и спокойствием на лице, вскочил. – Прошу вас, расскажите собранию последнюю информацию.

– С удовольствием. Главная тайна, дающая поистине новый смысл нашему проекту в том, что у нас появился союзник. Это особый клан расы «странных», стоящий особняком от основной расы даже территориально, они владеют отдельной звездной системой. Это наиболее воин-

ственный и развитый в техническом и военном отношении клан. И жаждущий власти над остальной расой. И здесь наши цели совпадают – наши попытки мирным путем захватить власть в Скопе терпят крах, и этот способ может растянуться на столетия. Да, у нас есть это время, пусть и не у нас, но у наших потомков – все равно когда-нибудь каста властителей снова будет править остальными, как было и всегда на нашей планете. Но сейчас появляется реальный шанс ускорить события, – мистер Вонз сделал паузу.

– Представители этого клана сами вышли на контакт, возможно, они судили по себе, предполагая в нас сепаратистов, но не так уж они и не правы, – главный вмешался, губы растянулись в подобие приветливой улыбки. – Потом контакты продолжились.

– Мы применяем для этого особый ПЛ-контур. Подобный использовался для постройки ксенолингвистоума в Центре Связи. Но мы не можем доверять Ливиту и создали свой. Тут, конечно, есть сложности использования: полученную информацию нужно доставить сюда, на главный квантоум орбитальной верфи, для расшифровки, да еще необходим строжайший контроль за утечкой информации, но мы с этим справляемся. – Кое-кто из собравшихся мельком посмотрел на главного, тот кивал, прикрыв глаза.

– У нас прошел уже третий контакт с кланом, и результаты самые положительные. Как было сказано, наши цели совпадают, мы можем помочь друг другу. Сейчас перед нами две задачи, прошу внимания и прошу приложить все силы и ресурсы. И главное – нужно сделать это незаметно для контрразведки Скопы.

– Давайте я продолжу, – главный поднял глаза и внимательно посмотрел на каждого присутствующего. – Сейчас я выведу всю информацию на экран, но пока кратко. Первое. Нам нужно не менее пяти кораблей вот по этим чертежам. – Экран активировался и появилось изображение корабля – массивного тяжелого крейсера. – Главный тронул сенсор – и тяжелый крейсер превратился в транспортник. – Вот с такой маскировкой, потом разберетесь. Один опытный образец уже готов и проходит испытания. И еще нужно пятьдесят тысяч особых ударных модулей ХС-типа. Это запрещенный класс модулей, но мы справимся. Клан странных предоставит нам стерегущие устройства, и при расстановке модулей вокруг планеты проникнуть в пространство будет невозможно. Ничему вообще, кроме Ливита, фогги или полностью голого человека, что нереально. В общем, мы будем неуязвимы. И второе – в короткие сроки в наших лабораториях на Земле и здесь должны быть выращены особые кристаллы квантоума. Данные по кристаллам тоже на экране. Собранный квантоум будет помещен на один из этих кораблей для общения со «странными» – это наш лингвистоум. Пока это все, давайте обсудим детали.

Вскоре тайное совещание приобрело вид какого-то конструкторского бюро. Не умолкали разговоры и даже споры, на экранах мелькали данные и проекции чертежей. В стороне, в стоящем особняком кресле, главный тихо обсуждал что-то с мистером Вонзом, на лице появлялась и исчезала холодная улыбка.

Глава 2

Очнулся Топиг сразу, еще не открыв полностью глаза, фыркнул, освобождая пазухи от набившегося песка, распрямившись, вскочил на задние конечности – и сразу пришло понимание, что вокруг что-то не так. Или что-то не так с ним – Топиг не мог определить. Движения были замедленны, как будто он двигался в ручье против течения. Однажды было такое, он свалился в ручей с дерева, но тогда удалось быстро покинуть опасное место. Дышалось легко, мысль работала четко, зрение и слух даже, как показалось, обострились.

Оглядевшись, Топиг понял, что находится как раз в тех самых светящихся кустах – на небольшом островке среди болот. Вокруг этого островка стабильности болотца не двигались, но дальше более крупные образования, покрытые более светлой зернистой травой, двигались быстро, хаотически меня направление. Над ними еще быстрее передвигались розовые, различных оттенков туманы, но не пересекали какую-то границу перед островком кустов в окружении маленьких болотных образований – только сейчас Топиг осознал, что привычного ветра вокруг нет. А ведь ветра – и многие из них разумные – были неотъемлемой частью этого мира и дули здесь всегда. И снова Топигу показалось, что он один в пустом мире и вокруг на далеко-далеко нет ничего живого и разумного.

Удивленно расширив глаз, Топиг протянул к ближайшим светящимся веткам сразу обе правые конечности с гибкими пальцами – у него, как у мужчины, третья дублирующая конечность была справа, но сразу же отдернул руки. Показалось, что ветви, похожие на обыкновенные кустарники в долине, но более ветвящиеся и чуть прозрачные, покрытые светящимися розовым светом с прожилками, сами потянулись к нему, и раздался мелодичный, никогда раньше не слышанный Топигом звон. Чвабур прикрыл глаз и выдохнул, пытаясь справиться с волнением и обуреваемыми им чувствами страха и восторга. Ветви действительно были живые и, скорее всего, даже разумными, и чвабур решил поступить так, как учили старики обращаться со всеми живыми существами в долине, – успокоил метущиеся мысли и поднял голову, раздул пазухи носа и, развернув вперед уши, выражая приветствие и доброжелательность, поклонился кустам.

– Я приветствую вас, живые существа этой долины, – Топиг говорил серьезно и строго. Зрачок глаза то расширялся, то сужался, демонстрируя силу и волю. – Я Топиг, муж-охотник племени чвабуров. – тут Топиг немного лукавил, для охотника он был еще молод. – Я пришел сюда за амулетом, мне нужна только одна светящаяся ветка, и я прошу дать мне ее. Я не причиню зла намеренно, не больше, чем того требуется, и прошу за это прощения. – Ближайшая ветка перестала тянуться к чвабуру и, казалось, услышав и поняв слова, замерла.

Решив, что необходимое выполнено, Топиг протянул руку, но, схватившись за ветвь, сразу понял, что отломить ее не получится – ветвь обладала огромной крепостью, и чувствовалось – просто налита живой силой. За последующие десять минут чвабур, пытаясь и напрягаясь, попробовал все способы, даже рубил ножом, но на ветви даже зарубки не появлялись – только чуть изменился цвет прожилок. Устав, Топиг присел и, отцепив от пояса фляжку, сделал несколько глотков. Оторвавшись от фляги, недоуменно уставился на ветку – она снова потянулась к Топигу, даже, скорее, к фляге.

– Ты что, пить хочешь? – Топиг не стал искать место, откуда растет куст, а просто плеснул на вихляющуюся ветку. Сверкнула неяркая розовая вспышка, раздался резкий и громкий звон, Топиг еле успел прикрыть глаз и уши – и сразу к ногам упала недлинная ветвь и тут же перестала извиваться.

– Ага! – Чвабур отбросил флягу и схватил желанную добычу, но тут же снова повернувшись к кусту, поклонился, пробормотав слова благодарности.

Недлинная – локтя полтора – ветка так же, как и раньше, светилась розовыми прожилками, но рассмотреть ее в деталях чвабур не успел – ему показалось, что верх и низ поменялись местами, исчезли все звуки и запахи, и в следующую секунду чвабур понял, что барахтается в воздухе, лежа на боку, и медленно поднимается вверх. Захлестнувший его ужас даже не позволил закричать, дыхание перехватило, но в следующую секунду Топиг выпустил ветвь и тут же шлепнулся в траву.

Блестя расширившимся от удивления и восторга зрачком, Топиг, даже не успев толком отдышаться, продолжил эксперименты, и через некоторое время выяснилось следующее. Ветка, очень крепкая и эластичная, принимала любую форму, ее можно было даже свернуть в небольшой неровный шарик и так же легко развернуть, но повредить ее Топиг не мог. В конце концов чвабур от неумолимого любопытства плеснул на кончик ветви питьевой жидкости из фляги. Снова раздался громкий звон, неяркая вспышка – и в руках у чвабура оказался небольшой, с полпальца, светящийся отрезок, который Топиг закинул в поясную сумку – про запас. А то, что происходило с самим Топигом, было еще интереснее. Стоило взять в руки ветку, коснувшись ее именно голой рукой – через защитную перчатку ничего не происходило, – как вокруг Топига воздух как бы мутнел. Особенно мутной и почти непроницаемой дымкой окутывались конечности – все шесть, точнее семь, если считать голову с торчащими в разные стороны от внутреннего напряжения ушами-локаторами. Удивительно, но зрению и слуху это никак не мешало, звуки слышались четче во всех диапазонах, и Топиг впервые понял, что его ментальный аппарат может не только принимать привычные сигналы чвабуров или, например, нотика, но и чувствовать настроение висящих вдалеке розовых туманов и даже ветра. А главное – Топиг мог летать, точнее, перемещаться в воздухе, правда, очень медленно – привычного тяготения планеты совсем не ощущалось. Тут, в самом начале экспериментов, и случился казус: Топиг, не ожидая ничего плохого, оттолкнулся от поверхности и, барахтаясь почти вниз головой, полетел вверх и в сторону от кустов, вцепившись в обретенную ветку. Видимо, оттолкнулся Топиг не сильно, и вскоре завис над поляной, покрытой маленькими болотцами. Провисел он так долго, не решаясь выпустить амулет, удивляясь, почему розовые туманы и ветер его как будто не замечают. Наконец, ему удалось немного понять принцип движения в воздухе и, помогая хвостом, Топик, дрожа от усталости, вернулся под свой куст. И сразу, только чуть отдохнули конечности, продолжил любопытные эксперименты.

Топиг уже успел пару раз переместиться вокруг островка со светящимися кустами – бегать по воздуху оказалось несложно, нужно было только сильно наклоняться вперед и постоянно балансировать хвостом, когда ситуация вокруг начала меняться. Сверху начал дуть ветер и вскоре настолько сильно, что обычно стойкий розово-ледяной туман прибило к болотцам. Когда низко стелющийся, казалось, звенящий туман стал приближаться к светящимся кустам, Топиг решил, что его обнаружили, и начал спускаться, что быстро сделать не получалось – в отличие от бега наверх. Когда Топиг все-таки спустился, не у островка светящихся кустов, а немного в стороне, что-то внутри него подсказало спрятаться. Чвабур отполз от кустов подальше, туда, где росла густая трава, и замер между болотных кочек. Нотик в поясной сумке тоже замер, теперь чвабур чувствовал его очень хорошо, почти понимая вялое течение мысленных образов животного. Нотик как будто ждал чего-то и боялся этого. В том, что нотик прав, спрятавшийся в траве чвабур убедился буквально через несколько секунд.

В вышине, там, где начинали закручиваться вихри урагана, в толще зеленоватых облаков мелькнул треугольный силуэт, всего на несколько секунд пронзив мутную пелену, и сразу исчез, как пикирующий на добычу марон. Топиг машинально отметил, что мелькнувший силуэт двигался в сторону стойбища, еще не в полной мере осознав, что он увидел трууга, а когда ситуация стала угрожающей, чвабур замер от ужаса, вжимаясь в траву и судорожно стискивая в руке добытый амулет. Прямо над ним, низко, не выше сотни драх, ужасающе медленно и бесшумно двигался другой трууг, как показалось, просто огромный, хищный и готовый

растерзать или стереть вместе с болотом замершего чвабура. С желто-блестящего, с близкого расстояния, тела стекали потоки испаряющейся жидкости, вихрились исчезающие струйки пара, низ туловища темнел тремя извивающимися утолщениями, блестящими на концах и, казалось, ими трууг смотрит прямо на Топига.

Трууг прошел над светящимися кустами и, следивший выпученным глазом за удаляющимся телом, Топиг вдруг начал понимать, что видит перед собой не живое существо, а летающую повозку – сзади трууга из девяти круглых отверстий вырывалось привычное синее пламя, как при пуске шутих – прогнивших стволов газового дерева. Шутихи устраивались в честь дня празднования ушедших родочей: от мертвого газового дерева отрезался ствол нужной длины, закреплялся в держателе, поджигался снизу – и вскоре с заунывным звуком улетал вверх, разрываясь в вышине серией голубовато-желтых разрывов. На конце ствола из отверстия вырывался горящий газ, как и у трууга, если сложить вместе несколько газовых стволиков. Похожести добавил разворот повозки трууга – синее пламя загорелось ярче и чуть сместилось в сторону, противоположную направлению полета повозки, почти сразу исчезнувшей в опускающимся сверху зеленом тумане.

Топиг понял, что сейчас придется пережить ураган, – нужно было подготовиться. Здесь, как и везде, было много корней дреуги – небольшого кустарника с мощной, уходящей на большие расстояния корневой системой, за которую можно было закрепиться и не быть унесенным ветром, а заодно и набрать воды. В долинах, в отличие от гор, где по словам старейшин были родники, корни дреуг были единственным естественным источником чистой питьевой воды.

Разыскивать корни привычным способом – копать в нескольких местах, не пришлось. Добытый амулет позволял почувствовать, где они находятся ближе всего к поверхности. Топиг сорвал ближайшую кочку и сразу показался нетолстый ствол корня – прозрачного, наполненного чистой водой. Корень был очень крепким, разорвать его было невозможно, но можно было проткнуть и, вставив трубочку, наполнить флягу. Что Топг и сделал, после чего напился, с ладони напоил нотика, высунувшего мордочку из сумки, погладив того по серой шерстке, – нотик зажмурился от удовольствия, потом многозначительно посмотрел на сгущающиеся сумерки – ураган приближался и исчез в сумке. Топик закрепился поясным ремнем за торчащий корень, укутался в вытасченную из поясной сумки покрывку, сшитую из желудков кечигов, и, свернувшись в комочек, замер.

Ураган налетел как всегда внезапно и сразу. Завывающий зеленый ветер рвал покрывку, колотил звуковыми ударами. Сминал и отрывал болотные кочки, унося их в неизвестность. Все живое попряталось, даже болотца вкопались в поверхность, возможно, закрепившись за те же корни дреуги. Серо-зеленые сумерки, наполненные звенящей силой, окутали долину. Начался привычный для планеты ад.

* * *

Почти на краю обширной долины, там, где ровное пространство невысоких кустиков, редкой травы и сине-оранжевых голых проплешин начинало сменяться невысокими холмиками вздувшейся от растущих газовых грибов почвы, находилось почти незаметное для глаз стойбище чвабуров. Холмики, растущие почти до горизонта, только там, вдали, сменялись темными скальными образованиями, невысокими, по сравнению с теми, что стеной высились на экваторе планеты, но достаточными, чтобы определить границы долины. Ветвящийся меж холмиков ручей, тягучий и вязкий, почти не трепыхался под бешеным ветром, приминающим к поверхности все, что возможно, и одновременно сдирающим с невысоких холмиков слой почвы. Плоть грибов обнажалась, недавно подросшие склизкие пазухи дергались и вместе

с оглушительными порывами ветра раздавался натужный вой – естественная реакция грибов на раздражение.

Расположение стойбища так близко от медленно мигрирующих популяций грибов, да и вообще в этой неудобной для жизни части долины, объяснялось просто – молодые споры грибов являлись естественной кормовой базой для стад кечигов, без которых, в свою очередь, чвабуры не смогли бы обеспечивать себя достаточным количеством пищи. По рассказам стариков, началось это несколько тысяч ураганов назад. Раньше светящиеся кусты росли повсюду в долинах и создавали естественную защиту от агрессивной внешней среды. Было много дичи, грибы не были так агрессивны, в долинах было много источников чистой зеленой воды. И передвигаться чвабуры могли по всем долинам и даже уходить далеко в лес или в горные отроги за вкусным красным мхом. Ветра были не так сильны и не несли столько вредных веществ. Достаточная пища и чистая вода были основой жизни чвабуров – без них детеныши хоть и вырастали до взрослых особей, но сознание их становилось все менее развитым от поколения к поколению. И для выживания племени обитатели долин планеты Чуи – теперь название планеты-дома чвабуры произносили с оттенком жалости к пострадавшему, были вынуждены находить новые способы выживания, перейдя от больших удобных стойбищ-городов к кочевой жизни. И сейчас занимались преимущественно скотоводством, только в легендах стариков узнавая о былом величии племен и безбедной жизни.

Почему такое случилось с планетой, было до конца не ясно. Знали, что Чуя пострадала в результате какого-то катаклизма, скорее всего, катастрофически повлиявшего на долины, наполненные зарослями светящихся кустов. Тогда даже воздух был другой – прозрачный, чуть зеленоватый, и просто вкусный. Теперь такое можно было испытать на очень короткое время – только после больших ураганов. Как раз сейчас один такой заканчивался – и в воздухе разливалась приятная и добрая зеленоватая морось, сдобренная снизу розовыми замерзающими испарениями. Две звезды высоко в небе как раз уходили к горизонту, скрываясь за грядой гор, а в зенит восходила главная, огромная и синеватая звезда Тиа – над просыпающимся стойбищем наступало затишье после очередного урагана.

Низкие, прикрепленные к корням дреуги, сплетенные из старых, но не потерявших эластичность корней жилища чвабуров стайкой холмик-грибов располагались полукольцами и сейчас, мокрые после урагана, парили под утренними лучами солнца вместе с окружающими их островками зернистой травы. Еще никого не было видно, но чувствовалось, что стойбище просыпается: над крайней хижиной, обтянутой крышкой из желудков убитых кечигов, уже вился небольшой сиреневый дымок. Первыми, конечно, проснулись стада. Живописными клубками расположившиеся вокруг стойбища многочисленные кечиги поднимали тонкие, вытянутые мордашки на тонких шеях и водили по воздуху длинными носами. Принюхивались кечиги не зря – дозорные-пастухи чвабуры сбрасывали крышки, в которых укрывались во время урагана, и вскакивали среди стад, собираясь вести кечигов на выпас. Раздавались веселые голоса и смех, впрочем, сразу исчезающий в холодном воздухе. Из хижин стойбища никто не выходил, не было даже привычных дымков, что было и неудивительно, – сегодня привычная радость от окончания урагана была омрачена недавним событием.

Чвабурам не нужно было услышать или увидеть событие, чтобы узнать о случившемся, и никто даже не выскочил из хижины, когда прямо во время урагана над стойбищем появился трууг. Так случилось, что среди дозорных было несколько стариков, и их сильные ментальные образы четко передавали картинку происходящего всем, кто был в стойбище.

Дозорные увидели спускавшегося почти из зенита трууга, когда он находился еще высоко – выше трехсот драх. Само появление существа, которое видели при жизни только несколько чвабуров, сразу вызвало шок и панику, впрочем, вскоре прекратившуюся, – чвабуры понимали, что мало что могут противопоставить труугу, и многие просто смирились с неизбежным. Вскоре трууг спустился еще ниже и завис в каких-то полуста драх – несмотря на ура-

ган, его было хорошо видно. Ураган хоть уже шел на спад, но был еще в своей силе, а на трууга это никак не влияло – он спокойно висел в пространстве, блестя желтыми блестящими изгибами, снизу извивались три похожих на ножки кечигов отростка. Именно эти отростки и вызывали самые угрожающие ощущения – как будто трууг собирался метнуть свои стрелы в незащищенное стойбище. Провисел трууг долго, до появления на небосводе третьей, самой маленькой, но самой яркой звезды, блеснувшей у горизонта сквозь слои летящего серо-зеленого тумана, и так же медленно начал подниматься вверх и вскоре исчез.

Старейшины сразу расценили появление трууга как предупреждение и сейчас терялись в догадках, к чему бы оно. Было решено собрать Совет племени сразу по окончании урагана, уже утихавшего. И сейчас выходящие из хижин чвабуры имели одну цель – все двигались к центральной большой хижине, где с давних времен и обсуждались все важные события и принимались решения – иногда голосами всех родочей.

Главная плетеная хижина была хоть и низкой, но широкой и вместительной – туда могло поместиться все племя, если бы, конечно, кому-нибудь это пришло в голову. Вообще жить вместе, единым организмом, было в менталитете чвабуров – их разделяли только естественные обособленности долин. Тому способствовал издревле сложившийся уклад и естественные способности организма – чвабуры общались часто ментально и чувствовали происходящее с каждым в племени, сопереживали, радовались и гневались все вместе. Совет старейшин же был высшим проявлением жизни племени – проявлением уважения друг к другу и признанием всех особенностей племени. Сейчас, ввиду важности события, на совет собирались все незанятые родочи, самки и даже младени; племя достойно прошло недавний демографический кризис и сейчас росло и множилось – детеныши были в каждой хижине, а родочи-наставники водили группы молодежи в частые походы по долине.

В центре хижины синеватым пламенем грел костер из сухих смолистых корней, дымок вился вверх, исчезая в дымовом продухе. За огнем следила уже почти взрослая молодежь, подкладывая дрова и регулируя вытяжку двумя длинными шестами. Вокруг на теплых циновках уже собралось много чвабуров – и родочи, и старики, и самки. В основном молчали, вдыхая и выпуская пар из трубок газового дерева, но слышались и тихие разговоры, и редкий смех – несмотря на чувство опасности и действительно сложную жизнь племени, чвабуры были веселой расой, смех – это здоровье, – говаривали старики.

Полог входа приподнялся, и один за другим вошли три седых старика. Там, где тела были не прикрыты одеждой и снаряжением, виднелась старческая морщинистая кожа почти без меха, уши и головы были совершенно голые, но у двух с переносья свисали длинные седые усы, а у третьей – самки – ресницы были еще белее от возраста. Старики были действительно стариками, они прошли долгий и нелегкий жизненный путь, но все трое выглядели бодро, сухие тела были наполнены мышцами и скрытой силой, глаза горели огнем живейшего интереса к жизни и непокорства времени. Разговоры смолкли, присутствовавшие обернулись к вошедшим, молодежь у костра отодвинулась в сторону, и трое старейшин расселись вокруг огня. Разговор начался сразу, ненужные церемонии были не в обычае чвабуров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.